Т40
200

М. Михайловичева З. И.

Степан Разин

М. 1939

T40 200

СТЕПАН РАЗИН

ВОЕНИЗДАТ·1939

72 2

З. И. МИХАЙЛОВИЧЕВА

СТЕПАН РАЗИН

Те 4(45)

Государственное Военное Издательство
Наркомата Обороны Союза ССР
Москва — 1939

03 52
16332

З. И. Михайловичева — Степан Разин

Пользуясь материалами, опубликованными в печати, автор рисует картину крестьянского восстания на Дону и в Поволжье под руководством Степана Разина.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	5
Московское государство во второй половине XVII в.	6
Донские казаки	12
Поход казацкой голытьбы в Каспийское море	17
Поход Разина в Московское государство	25
Крестьянское движение осенью 1670 г.	37
Казнь Разина и события в Астрахани	44

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
539948

Редактор майор *Подорожный* Технический редактор *Стрельникова*
Корректоры *Кербицкая* и *Абрамсон*

Сдано в производство 28.V.39. Подписано к печати 1.VIII.39.
Формат бумаги 84×108/32 Объем 3 печ. л., 2,7 уч.-авт. л.
Уполн. Главлита № Г-3173 Изд. № 345. Зак. № 399.

1-й типографии Государственного военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3.

Отпечатано с матриц в типографии издательства «Московский большевик».
Чистые пр., 8. Зак. 3145. Тир. 100.000.

„Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства".

И. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Госполитиздат, 1938 г., стр. 8.

ВВЕДЕНИЕ

Первого мая 1919 г., в день пролетарского праздника, в Москве на Красной площади, на Лобном месте, был открыт временный памятник[1] Степану Тимофеевичу Разину, русскому народному герою.

Народ, только что завоевавший свою свободу, сооружением этого памятника отметил 250-летие выдающегося события в своей истории — крестьянского восстания XVII в. Во главе этого восстания, которое началось на Дону и затем захватило все Поволжье, стоял Степан Тимофеевич Разин.

В. И. Ленин отметил открытие памятника Разину следующими словами: «Это Лобное место напоминает нам, сколько столетий мучились и тяжко страдали трудящиеся массы под игом притеснителей, ибо никогда власть капитала не могла держаться иначе, как насилием и надругательством, которые даже и в прошедшие времена вызывали возмущения. Этот памятник представляет одного из представителей мятежного крестьянства. На этом месте сложил он голову в борьбе за свободу»[2].

Русский народ пронес через века свою благодарную память об этом человеке и запечатлел его образ в своих многочисленных песнях и сказаниях. Эти песни, можно смело сказать, слагала вся страна. Они встречаются на западе — на Украине, на востоке — в Поволжье; их поют в далекой Сибири и на севере — у Белого моря.

«Степанушка ты наш, Тимофеевич, по прозванью Разин сын!» — любовно величает народ своего атамана, подчеркивая этим всю значительность того освободительного движения, которое возглавил этот замечательный человек.

---

[1] В настоящее время этот памятник находится в Музее Революции.

[2] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 271.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

В XVII в. в Московском государстве окончательно сложилось крепостное помещичье хозяйство. Правящий класс — бояре и помещики — захватили себе лучшие земли и заставляли работать на них своих крепостных крестьян.

Крестьянство, составлявшее большинство населения Московского государства, делилось на крестьян частновладельческих, дворцовых и черносошных.

Черносошные крестьяне жили на «черной» земле, т. е. на земле, принадлежавшей государству. Они платили разные казенные сборы и выполняли государственные повинности.

Положение дворцовых крестьян было во многом сходно с положением крестьян черносошных. Основной их повинностью являлась поставка необходимых продуктов к царскому двору, отчего и возникло наименование таких крестьян дворцовыми, т. е. приписанными к дворцу.

Наиболее тяжелым было положение частновладельческих крестьян, которые жили на землях, принадлежавших боярам, помещикам и монастырям. Количество частновладельческих крестьян в течение XVII в. быстро возрастало в связи с тем, что первые Романовы щедрой рукой раздавали дворцовой знати «черные» и дворцовые земли с поселенными на них крестьянами. Такая перемена в положении крестьян означала резкое усиление их эксплоатации. Ярким примером ее являются ниже приводимые данные по вотчине боярина Морозова — селу Лыскову. Размер оброка до пожалования Лыскова Морозову составлял 7 р. 50 к. с выти [1], после пожалования он увеличился до 20 руб.

Передача крестьян во владение помещику зачастую сопровождалась так называемой «послушной» грамотой, в которой крестьянину предлагалось «боярина слушать, пашню на него пахать, оброк ему платить». Здесь кратко выражена вся сущность взаимоотношений крестьянина и владельца.

Крестьянин — бесплатная рабочая сила в хозяйстве помещика. Он должен работать на его поле, в его лесу, на его дворе, а также в тех промышленных предприятиях, которые начинают заводить помещики. Помещик стремится выжать из крестьянина как можно больше. Бога-

[1] Выть — податная земельная единица; в XVII в. примерно равнялась 5 десятинам.

тейший боярин XVII в. Борис Иванович Морозов приказывает своим крестьянам «накрепко», чтобы они хорошо вспахали его поле, без целин и «впору, не опоздав». А если крестьяне его помещичью пашню обработают плохо и будет недород, в то время как «на их крестьянских жеребьях» хлеб родится хороший, то, приказывает Морозов, хлеб с крестьянских полей «имать на Бориса Ивановича, а им в то место велю отдавать с своей пашни худой хлеб».

Работа на барской пашне отнимала почти все время крепостного крестьянина. Ему некогда было обрабатывать свой участок земли, в то время как это был его единственный источник для приобретения средств существования. На себя крестьяне зачастую работали в праздничные дни или ночью. Но здесь возникали новые препятствия. Не существовало пределов произволу и самодурству помещиков. Уже известный нам боярин Морозов заставлял крестьян работать на его полях и в праздники, но в то же время иногда, движимый «благочестием», он запрещал крестьянам работать в праздничные дни на своих полях. В июле 1652 г. приказчик доносит боярину Морозову, что крестьяне по воскресеньям работают на себя, вместо того чтобы итти в церковь и «молебны петь о дожде». «И всходы, государь, были хороши, да по грехам, государь, стала засуха, яри все посохли»,— добавляет приказчик. В ответ на это боярин Морозов присылает строгий приказ: «И тебе бы,— указывает он приказчику,— крестьянам к церкви велеть приходить еженедельно, молебен о бездождии петь. А буде, который крестьянин не придет к церкви... и на тех имать: который впервые не придет — по две деньги, а который вдругорядь не придет — и на нем взять грош, а в третие который не придет — и ево бить батоги и взять на нем пени алтын... И тебе бы крестьянам заказать накрепко, чтоб отнюдь по воскресным дням на мою работу не ходили и своего никакова дела не делали».

Таким образом, крестьяне должны были на неделе обрабатывать барскую пашню, а в праздничные дни «молебны петь о дожде» на эту же пашню.

Но помещик не довольствовался одной работой крестьянина в своем хозяйстве; он требовал с него уплаты денежного и натурального оброка. Вот что получал боярин Морозов со своих крестьян кроме денег: баранов, свиное мясо, поросят, гусей, уток, кур, яйца, коровье масло и сметану, сыр, рыбу, гречневую крупу, конопляное

семя, сухари, мед, вино, ореховые ядра, хмель, мак, малину, бруснику, грибы, шерсть и холсты.

В течение всего года рассылает Морозов свои приказы то в одну свою вотчину, то в другую о высылке продуктов. В январе 1652 г. Морозов приказывает срочно выслать в Москву для приема гостей меду, вина, сельдей и муки; в феврале того же года приказывает собрать масло с крестьян села Павловского, «а у кого масла не будет и с тех имать... деньги», с тем чтобы в Москве на них купить масла для боярского стола.

Можно себе представить, что оставалось крестьянину для его личного потребления после всех этих поборов.

Многие помещики в своих вотчинах начинают заводить промышленные предприятия: поташные заводы, винокуренные, железоделательные и др. Условия труда на предприятиях были необычайно тяжелы. Работать приходилось стоя по колено в воде; рабочие жили на месте работы в совершенно неустроенных шалашах, отчего среди них свирепствовали повальные болезни; рабочий день продолжался от зари до зари. К этому нужно прибавить жестокость администрации, ничтожную оплату. Посылка на работы в будные майданы (так назывались поташные заводы) рассматривалась как тяжелое наказание, и крестьяне, бросая все, «разбредались розно», т. е. убегали на окраины государства.

Помещики пытались различными льготами привлечь крестьян на эту работу. Они освобождали работающих в будных майданах от уплаты оброка, но крестьян это не привлекало. Тогда помещики в работе на своих производствах стали широко применять труд женщин и детей.

В отдельных случаях в боярских и помещичьих хозяйствах начинает вводиться даже наемный труд «деловых людей». Каково было их положение, видно из челобитной таких людей тому же боярину Морозову (апрель 1652 г.). В этой челобитной «деловые люди» жалуются, что приставленный к ним пристав поднимает их «на работу до света за 2 часа, а с работы спущает в час ночи... он нас, сирот, бьет и мучит не про дело, напрасно без вины, и многих нас изувечил и глаз подбил, у инова руку переломил». Заканчивается челобитная угрозой работу бросить и «врознь разбрестися».

В первой половине XVII в. у крестьян оставалась еще некоторая, правда очень небольшая, возможность освободиться от тяжести крепостной зависимости путем пе-

ремены одного помещика на другого или путем бегства на пустые, необжитые земли. Существовал сначала десятилетний, а потом пятнадцатилетний срок сыска беглых крестьян. Если бежавшему в течение этого срока удавалось укрыться от прежнего помещика, он переходил к другому помещику или делался свободным.

Такой порядок был невыгоден помещикам. Они стремились совсем уничтожить эти сыскные годы. На Земском соборе 1649 г., где собрались представители дворян, духовенства и купечества, был выработан новый свод законов, названный «Соборным уложением». «Уложение» окончательно закрепощало крестьян; одним из пунктов его запрещались всякие переходы и свозы крестьян. Крестьяне приписывались к тем участкам, на которых они сидели; своз, т. е. переманивание крестьян от одного помещика к другому, карался штрафом; бежавший крестьянин возвращался к старому владельцу вместе с приобретенным им имуществом и семьею, независимо от числа лет, которые он провел в бегах.

«Уложение» давало помещику право суда и наказания своих крестьян. За крестьянами «Уложение» не признавало никаких прав. Оно не определяло количества земли, которую крестьянин имеет право требовать от помещика, размеров повинностей, которыми он обязывался помещику. «Уложение» не устанавливало никаких наказаний помещику за жестокое обращение со своими крепостными и не указывало крестьянину путей освобождения от помещика.

Крестьяне по «Соборному уложению» сводились на положение рабочего скота в хозяйстве помещика и имели не больше прав, чем рабочие лошади или волы.

Сохранилась челобитная Мирона Иванова, крепостного боярина Морозова, к своему помещику. В своей челобитной Мирон пишет: «...напився пьян, говорил я небылые скаредные и бранные слова про тебя, государя. И я, сирота твой, в том тебе, государю, виноват. И я, сирота твой, до твоего государеву указу за свою я страдничью вину в селе Мурашкине посажен в тюрьму. Умилосердися, государь Борис Иванович, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, меня из тюрьмы свободно учинить, не вели голодной смертью уморить».

Вся глубина помещичьего произвола, весь ужас крестьянского бесправия отразился в этой челобитной.

Боярин Морозов в ответ на челобитную пишет приказчику: «...И тебе б тово Миронка бить кнутом без пощады,

чтоб иным воровать и незбытных слов говорить было неповадно. И бив его, Миронка, кинуть в тюрьму и, держав в тюрьме небольшое время, как кожа подживет, и, выняв, велеть вдругоредь бить кнутом же без пощады ж, чтоб ему, плуту, вору, впредь воровать и незбытных слов говорить было неповадно. И бив его, Миронка, кинуть опять в тюрьму..., расспросить накрепко. А буде не скажет, ино ево и пытать».

Так выглядел на практике помещичий суд.

Еще тяжелее было положение нерусского крестьянства. В течение XVII в. происходит захват русскими помещиками мордовских, чувашских, марийских и татарских земель и закрепощение живущего на них крестьянства. Вслед за помещиками на эти новые земли шла церковь, насильно насаждая там православие; церковь, в свою очередь, отнимала у местного населения громадные земельные угодья. Местное крестьянство оттеснялось на неудобные земли.

Так же тяжело было положение и низших слоев городского населения, так называемых посадских людей. Посадские люди платили ряд постоянных сборов: на выкуп пленных, стрелецкие деньги, ямские деньги, деньги на корм воеводам, в подмогу подъячим, сторожам, палачам, на строение воеводских дворов и тюрем, в приказную избу на свечи, бумагу, чернила и дрова, прорубные деньги — за позволение зимой в прорубях воду брать, белье стирать и скот поить.

Но и этого было мало. В экстренных случаях с посадских людей собирали процентные сборы с доходов — пятую, десятую и пятнадцатую деньгу.

Все эти поборы ложились непосильным гнетом на плечи посадского населения. Чтобы обеспечить их правильное поступление, правительство применяло крайне жестокие меры. Вот что сообщает один из сборщиков податей: «Я, государь, посадским людям не норовил и сроков не даю... Я правил на них твои государевы доходы нещадно, побивал на смерть».

Но уплатой всех податей не кончались обязанности посадского населения по отношению к государству. Оно должно было бесплатно нести казенную службу. Посадские служили в «головах» и в «целовальниках» при продаже вина, при различных денежных сборах; несли полицейскую службу. Нередко на одного человека приходилось две или три таких службы. Укрываясь от них, посадское население бежало в другие города или на юж-

ную окраину государства, в степь. Положение оставшихся становилось еще хуже, так как им приходилось нести все налоги и поборы за бежавших. В одном документе XVII в. мы читаем: «...тех денег посадские люди не выплачивают за пустотою, потому что у них многие тягла запустели и взять тех денег не на ком, и остальные посадские и уездные люди... бегут в разные города».

«Соборное уложение» 1649 г. еще ухудшило положение посадских людей, запретив свободные переходы их из одного города в другой. Все ранее ушедшие должны были вернуться на старые места. Женитьба на посадской или выход замуж за посадского превращала вольных людей в посадских, т. е. прикрепленных к данному городу.

Тяжелым гнетом на трудящихся Московского государства ложилась также волокита, взяточничество и казнокрадство воевод и приказных людей. В московских приказах челобитные лежали годами; всякое продвижение их из одной инстанции в другую происходило при помощи «посулов» и «поминков», т. е. взяток. Приезжавшие в московские приказы ходоки по общественным делам привозили с собой деньги, предварительно собранные с населения на взятки подъячим.

Вот роспись расхода одного мирского посыльного: «Ходил к воеводе, нес хлеб да калач в два алтына, да мяса говяжья на 26 алтын, свиную тушу в рубль, да баранью тушу в 13 алтын, да деньгами в бумажке 3 рубля; племяннику воеводы — рубль; другому племяннику — 10 алтын; боярыне — рубль; дворецкому — 21 алтын; людем на весь двор — 21 алтын; ключнику — 10 денег; малым ребятам — 2 алтына; подъячему — хлеб да калач, деньгами два рубля с полтиной; жене его—16 алтын, двоим племянникам — 1 рубль; людям на весь двор — 10 алтын; приворотнику — алтын; малым ребятам — 8 денег; блаженному — 4 деньги; приставам дал всем на всю братию 6 денег, да когда платил деньги, дал сторожу в мешок 2 деньги; да что писал в книгу целовальник взял 2 деньги».

Жители города Устюга жалуются, что их подъячие сильно разбогатели, купили себе дворы, в волостях захватили лучшие деревни.

Воеводство в провинциальных городах рассматривалось как средство для быстрой наживы. Известен случай, что воевода Старорусского уезда на свои пиры созывал подчиненных и требовал от них особых приношений, так называемого «поклонного». За уклоняющимися

он посылал приставов, как за подсудимыми, бросал их в тюрьму или подвергал другим наказаниям.

Совершенно естественно, что население относилось с недоверием и страхом к каждому представителю власти. Воеводский суд представлялся большим и неизбежным злом, избавиться от которого по представлениям того времени можно было только сверхъестественными средствами. Поэтому в ходу были особые письма, которые многие носили при себе; в тех письмах было написано: «кто тот свиток учнет носить при себе и на суд пойдет, и того человека кривым судом не осудят».

Для бесправных, обнищавших и отовсюду теснимых трудящихся масс Московского государства единственным выходом из невыносимого положения оказывалось бегство на окраины, куда еще не проникла власть московского царя. Особенно привлекал к себе беглецов вольный Дон.

В середине XVII в. Московское государство вело три войны: две с Польшей и одну со Швецией. Войны разоряли страну, усиливали в массах недовольство и приводили к постоянным восстаниям.

В 1648 г. в Москве происходит так называемый «соляной бунт», который находит себе отклик в ряде других городов. В 1662 г. снова в Москве вспыхивает большое восстание, известное в истории под названием «медного бунта». И, наконец, в 1667—1671 гг. по стране распространяется исключительной силы крестьянское восстание, возникшее на Дону.

ДОНСКИЕ КАЗАКИ

В XVII в. по течению реки Дона были разбросаны многочисленные казачьи поселения, так называемые городки, которые тянулись на протяжении свыше 700 верст и включали в себя несколько тысяч казаков. Казаки сами не знали точной цифры населения Дона; на запросы Москвы они отвечали, что «письмо у них людем не живет», т. е. переписи населения у них нет.

Состав донского казачества был очень разнообразен. В течение многих десятилетий оседали здесь беглые помещичьи крестьяне, боярские холопы, стрельцы, городовые казаки, татары, калмыки, перебежчики из Азова — турки и греки и выходцы из Литвы. Поселяясь по течению реки Дона, все эти поселенцы постепенно разделились на «низовых» и «верховых» казаков. В низовых городках жили преимущественно зажиточные казаки, так

называемые «домовитые», находившиеся в дружбе с московским царем, в верховьях жила казацкая «голытьба», которая говорила о себе: «А нас на Руси не почитают и за пса смердящего. А бегаем мы из того государства Московского, из работы вечные, из холопства невольного, от бояр и дворян государевых». В верховых городках оседали в первую очередь все беглецы из Московского государства.

С 60-х годов XVII в., в связи с усилением крепостного права и обнищанием крестьянства, усиливается бегство крепостных на Дон из центральных районов Московского государства. Пробираясь глухими лесами, постоянно рискуя быть схваченными и отданными помещику, крестьяне с женами и детьми доходили до вольного Дона и вливались в ряды казачества. Само московское правительство считалось с неписанными казацкими законами, по которым с Дона выдачи не было. Здесь принимали всех, даже преступников, и никого не выдавали. «С Дона выдачи нет»,— говорили казаки. «Доном от всяких бед освобождаются», — говорил писатель XVII в. Котошихин.

Но беглецы от царских законов и произвола помещиков не находили себе на Дону лучшей доли. «Новоприходцы» пополняли собой ряды голытьбы, количество которой быстро возрастало. Голытьба противопоставлялась зажиточному казачеству, так называемому домовитому, получавшему царское жалованье за свою службу.

Не имея ничего за плечами, голытьба шла в наем к богатым и снова попадала в кабалу. На вольном Дону классовые противоречия между голытьбой и домовитыми были необычайно сильны.

Основными занятиями на Дону были: рыболовство, охота, скотоводство и пчеловодство. Собственниками угодий и орудий производства были домовитые. Голытьба шла в наемные работники преимущественно за хлеб, который домовитые получали за службу от московского царя.

Царское жалованье состояло из денег, продуктов, главным образом хлеба, и военных припасов — пороха, селитры и свинца. Домовитое казачество пользовалось правом беспошлинной торговли с Московским государством. Оно вело обширную торговлю с пограничными русскими городами, а также торговало с Кавказом, Турцией и Крымом.

Домовитые казаки были заинтересованы в добрых отношениях с московским правительством. Они очень дорожили возможностью регулярно получать жалованье и в особенности хлеб. Своего хлеба на Дону почти не сеяли.

Привоз его был сильно затруднен различными поборами и постоянными набегами, которым подвергались торговые караваны.

При всем многообразии занятий главным источником существования донских казаков была война. Казаки воевали преимущественно с турками и крымскими татарами. На стругах они спускались по Дону в Азовское море и дальше в Черное, беспокоили своими набегами берега Крыма и Турции. Они доходили до самого Константинополя, зачастую выполняя в этом случае тайные распоряжения московского царя.

Московское правительство по отношению к казакам вело двойственную политику. Русские послы в Крыму и в Турции заявляли, что казаки «ведомые воры», они не состоят в подданстве Московского государства. В мирное время русское правительство действительно требовало от казаков «не чинить задоров», не нападать на южных соседей. Но в военное время казаки получали из Москвы требования всеми возможными для них средствами беспокоить неприятеля. Не раз московское правительство тайно организовывало казачьи походы на Крым. Но, с другой стороны, оно неоднократно и отказывало казакам в помощи, предоставляя их собственным силам, когда война с крымскими татарами и турками не входила в планы Московского государства или принимала для него нежелательный оборот.

Война, превратившаяся в главное занятие казаков, выработала у них свои особые приемы ее ведения. В 1646 г. казаки отказались от совместного выступления с присланным из Москвы отрядом под тем предлогом, что для успеха набега нужна исключительная быстрота действий, которой не обладают московские войска. «И мы, государь, бежим наспех, от пристани до села день и ночь пешие».

Но казаки преимущественно вели войну на море; они совершали далекие морские походы. За годы с 1620 по 1662 было около 37 крупных казацких походов, из них 24 — на Крым, 8 — на Азов и 5 — на Кавказское побережье. Казаки отправлялись в поход на больших лодках по 30 и более человек; вооружались ружьями, пистолетами, копьями, баграми, топорами, кистенями, дубинками и деревянными цепами.

Ночью или в туманный день бесшумно подбирались они к большому торговому судну, окружали его, стремительно взбирались вверх и захватывали команду. Оставшиеся в лодках пробивали судно топорами, и оно начи-

нало медленно тонуть. Казаки мгновенно захватывали ясырь (т. е. пленных), оружие, товары—все, что можно было увезти на своих лодках, и возвращались к себе на Дон.

Отправлялись казаки «за зипунами», как они называли свои походы на Волгу, Терек и Куму; они выходили в Каспийское море, перетаскивая свои суда волоком из одной реки в другую. Привезенная добыча поступала в «дуван», т. е. в дележ.

Крупнейшим военным предприятием донских казаков было взятие Азова, которое нашло себе отражение в народном творчестве. Казаки понимали, какое преимущество даст туркам обладание Азовом, крепостью в устье Дона. Эта крепость охраняла выход в Азовское и Черное моря. В 1637 г. казаки делают попытку овладеть Азовом и посылают туда частью водой, частью сушей большое войско. Окружив город с моря и с суши, они роют у Азова окопы, постепенно приближая их к крепости. Казаки так быстро вели свою работу, что скоро оказались у самых крепостных стен. Отсюда они открыли стрельбу по городу из пушек и пищалей, но крепость оставалась неуязвимой. Тогда казаки ведут подкоп под городские стены. Через четыре недели подкоп был закончен и подготовлен взрыв. От взрыва рухнула часть городской стены. По лестницам казаки взобрались в город и вступили в рукопашный бой с турками. Крепость оказалась в руках казаков. Они привели ее в оборонительное состояние и отправили в Москву донесение, что своими головами взяли Азов без государева повеления и помощи, «одни там теперь и живут».

Самостоятельно овладев Азовом, казаки надеялись, что московский царь поддержит их. Но эти расчеты казаков не оправдались. Москва в тот момент не собиралась вступать в войну с Турцией из-за Азова и в помощи казакам отказала. С большим героизмом отстаивали казаки захваченную крепость. В войне с турками они использовали «огненные орудия», зажженные смоляные сосуды, кипяток и пр. Они подводили подкопы под расположение турецких частей, взрывали их. Но все это было напрасно: казаков было слишком мало, чтобы бороться с турками. С горечью принуждены были они признать, что они «не градодержцы», и в 1642 г. сами оставили Азов.

В организации этих походов снова обнаруживалась классовая рознь среди казачества. Во второй половине XVII в. домовитые казаки все меньше участвуют сами в походах. Они снаряжают голытьбу всем необходимым:

ружьями, порохом, свинцом, продовольствием, стругами, с тем чтобы все добытое в походе делилось пополам между его непосредственными участниками и владельцами снаряжения.

Эта классовая рознь сильно сказывалась и в быту казаков. Домовитые строили себе просторные «хоромы», имели в услужении пленников; голытьба удовлетворялась землянками.

Жалованье, получаемое домовитыми, уплачивалось московским правительством не только за беспрестанные войны и набеги на татарские и турецкие земли. Оплачивалось сопровождение царских послов в Турцию и Крым и освобождение русских пленников из турецкого плена. Освобожденным казаки предоставляли право остаться вместе с ними на Дону или вернуться на родину.

Весь строй жизни казаков имел своеобразный военный характер. В официальных царских грамотах донские казаки именовались «войском». В более узком смысле этого слова «войско» обозначало съезд казаков, который собирался ежегодно, обычно весной, в главном городке, которым в 60-х годах XVII в. был Черкасск. На «войско», или «войсковой круг», собирались все казаки. Здесь обсуждались и решались вопросы о войне и мире, о заключении договоров с соседними народами, делилась добыча, избирался атаман, есаул—помощник атамана, посланцы в Москву и пр. Круг имел право суда и наказания, право выпуска обязательных для всех казаков постановлений.

Несмотря на то, что на круг собиралось все казачество, фактическими правителями Дона были домовитые казаки. Очень показательным в этом отношении был следующий факт. В период с 1637 по 1661 г., т. е. за 24 года, в должности войскового атамана сменилось всего семь человек. Выбирались по нескольку раз одни и те же лица. Все это были домовитые казаки, крепко связанные с Москвой, обычно участвовавшие в посылаемых туда посольствах.

В 60-е годы XVII в., в связи с сильно возросшим населением за счет «новоприходцев», хлеба, посылаемого на Дон из Московского государства, начинает нехватать—появляется голод. Между тем в верховьях Дона удобные земли постепенно занимаются монастырями и крупными землевладельцами. Это наступление помещиков на Дон несло голытьбе грозную опасность — быть возвращенной

прежним владельцам. В это же время сильно осложнились походы «за зипунами».

Турецкое правительство приняло ряд решительных мер по пресечению казацких набегов на свои владения. В Азове был расположен турецкий флот, усилен городской гарнизон, на протоках донской дельты построены новые укрепления. Для того чтобы остановить проход судов из Дона в Азовское море, между противоположными берегами Дона протянули цепи. Казаки несколько раз ходили на Азовскую крепость, пытались ее захватить, но безуспешно. Азовское и Черное моря оказались для них закрытыми.

Это обстоятельство вызвало новое, еще более резкое обострение классовых противоречий среди донского казачества. Голод среди голытьбы принял угрожающие размеры; казаки пытаются искать новых путей для походов «за зипунами». Эти походы начинают принимать новый оттенок.

В 1666 г. атаман Василий Ус с казаками совершает поход не к югу от Дона, а в глубь Московского государства. С отрядом в 500 человек он доходит до Воронежа и далее направляется к Туле. Отряд Уса по дороге сильно увеличился за счет присоединившихся к нему крестьян и солдат Белгородского полка. Поход кончился мирно: Василий Ус после неоднократных царских грамот вернулся на Дон. Но та легкость, с какой этот отряд беспрепятственно прошел в глубь страны, привлек в свои ряды крестьян и солдат, показала, что в это время в настроении трудящихся масс Московского государства было много тревожного для помещичьего правительства.

ПОХОД КАЗАЦКОЙ ГОЛЫТЬБЫ В КАСПИЙСКОЕ МОРЕ

Зимой 1666/67 г. недовольство, сложившееся на Дону между отдельными группами казачества, достигло исключительных размеров. Все недовольные сгруппировались вокруг казака Зимовейской станицы Степана Тимофеевича Разина. Голландец Стрейс, видевший его в Астрахани, так описывает нам этого казака: «Я его видел несколько раз в городе и на струге. Это был высокий и степенный мужчина, крепкого сложения, с высокомерным прямым лицом. Он держал себя просто, с большой строгостью». И дальше: «Вид его величественный, осанка благородная, а выражение лица гордое; росту он высокого,

лицо рябоватое; обладает способностью внушать страх и вместе любовь; что бы ни приказал он, исполнялось беспрекословно и безропотно».

Мы слабо знаем биографию Разина. Известно, что он был сыном коренного донского казака, связанного родственными узами с Воронежом. Выдающиеся способности Разина были отмечены на Дону, и ему доверяли ответственные поручения. В 1658 г. его посылали в составе казацкого посольства в Москву за жалованьем. В 1661 г. по поручению казацкого круга Разин ездил к калмыкам для переговоров о совместных действиях против крымского хана и удачно с этим справился. Дважды Разин отправлялся в продолжительное путешествие на север, в Соловецкий монастырь. Едва ли религиозные мотивы руководили им в данном случае. Пройдя весь долгий путь от Азовского моря до Белого, он имел возможность близко познакомиться со страданиями русского народа. Он увидел воочию то, о чем до сих пор знал только по наслышке.

В 1665 г. Степан Тимофеевич вместе с братом участвовал в войске князя Юрия Долгорукого, действовавшего против поляков. Брат Разина командовал этим отрядом. Осенью казаки собрались уйти домой, но князь Долгорукий приказал им остаться. Казаки ослушались и ушли самовольно. Посланная погоня захватила начальника отряда, брата Степана Тимофеевича, и доставила его к Долгорукому. После жестоких пыток Разин был повешен. Казнь брата заставила Разина остро почувствовать дикое самоуправство московских бояр.

На Дону все симпатии Разина были на стороне голытьбы. Об этом хорошо рассказывает народная песня:

У нас то было, братцы, на тихом Дону:
На тихом Дону, во Черкасском городу,
Породился удал добрый молодец,
По имени Степан Разин Тимофеевич.
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думу не думывал.
Ходил-гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голытьбою.
Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине-море гулять,
Разобьем те, братцы, бусурманские корабли,
Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно.

Массы голытьбы, готовые к выступлению, в лице Разина нашли вождя и объединили свои силы вокруг Степана.

Весной 1667 г. Разин с отрядом голытьбы в 600 человек на стругах отправился из Черкасского городка вверх

Район действий Степана Разина

по Дону. Войсковой атаман Корнила Яковлев, верный слуга московского царя, пытался задержать голытьбу, но безуспешно. С Дона казаки поднялись вверх по реке Иловле и разбили свой стан у Паншинского городка. О случившемся Яковлев донес царицынскому воеводе Унковскому.

В Паншинском городке Разин забрал оружие, порох и свинец; его отряд пополнился новыми пришельцами. Разин становился грозной силой, и царицынский

воевода Унковский, имея незначительный гарнизон, не решился вступить в открытую борьбу с казаками, когда они вышли на Волгу. Этот страх царицынского воеводы так поразил народное воображение, что возникла легенда о чародействе Разина, о его сверхъестественной силе. Ни одна из городских пушек не выстрелила, когда мимо Царицына проходил Разин, говорится в народной песне.

Разин беспрепятственно совершает нападение на весенний караван царских судов, патриарших и купеческих, направлявшихся в Каспийское море. Волга была очень важной торговой дорогой, соединявшей Московское государство с Востоком. С ранней весны и до поздней осени по ней двигались караваны судов.

Казаки остановили караван, перебили его начальников, освободили простых стрельцов и ярыжек — судовых рабочих, а также ссыльных, которых везли на особом струге. На ссыльных разбили кандалы.

Ссыльные тотчас присоединились к казакам и помогли им в их расправе с начальными людьми. «Всем вам воля,— сказал им Разин,— идите, куда хотите; силою не стану принуждать, а кто хочет быть со мною — будет вольный казак». Большинство присоединилось к Разину, особенно охотно ссыльные, получившие свободу. Не менее охотно присоединились к Разину ярыжки — судовые рабочие, надеясь при его помощи улучшить свое положение.

Положение ярыжек было весьма тяжелое. Они занимались изнурительным трудом — тянули суда бичевой или гребли на них против течения. За свой труд они получали ничтожные гроши и были совершенно бесправны. Понятно, с какой готовностью откликнулись ярыжки на призыв Разина.

Разин со своим отрядом спустился на стругах вниз и спокойно проплыл мимо Черного Яра к Астрахани. Астраханский воевода Беклемишев сделал попытку преградить путь казацкой флотилии в Каспийское море, но неудачно, он сам попал к Разину в плен. Казаки высекли его плетьми и отпустили обратно. Казачий отряд беспрепятственно вышел в Каспийское море по одному из протоков Волги, верстах в 15 выше Астрахани.

Выйдя в Каспийское море, Разин взял путь на восток, скоро вошел в реку Яик (Урал) и направился вверх по реке, к Яицкому городку. Несмотря на попытки другого

астраханского воеводы, Хилкова, помешать его походу, Разин достиг своей цели и дошел до Яицкого городка.

Хилков, повидимому, недооценивал силы Разина, он дробил свои войска, посылая их небольшими отрядами против него. Отряды частью сдавались Разину, частью им разбивались.

Перед самым Яицким городком Разин разбил вышедший ему навстречу отряд стрельцов и овладел самим городом. Город Разин захватил хитростью: спрятав отряд вблизи него, он с небольшой группой казаков под видом богомольцев проник внутрь крепости, а затем открыл ворота всему отряду и быстро овладел крепостью.

До марта 1668 г. просидели казаки в Яицком городке. Они установили дружеские отношения с кочевавшими в степях калмыками и, вступив с ними в торговлю, получали от них все необходимое для жизни.

Московское правительство было очень обеспокоено тем, что пограничная крепость оказалась в руках казаков. Оно пытается остановить поход казаков, посылает против них отряды стрельцов, но эти попытки ни к чему не приводят, так как Разин легко справляется с царскими отрядами, причем большинство стрельцов присоединяется к нему. Московское правительство прибегает и к мирным способам: оно посылает к Разину послов с увещевательными грамотами. В октябре с Дона было направлено к Разину несколько казаков с милостивой царской грамотой, обещавшей прощение всех грехов, если Разин откажется от своего предприятия и спокойно вернется на Дон. Подобные увещевания не могли поколебать решимости Разина. Он продолжал готовиться к дальнейшим действиям.

В марте 1668 г. с сильно увеличившимся отрядом Разин выступает из Яика, захватив с собой продовольствие и все военные припасы, в том числе снаряды и пушки. В Каспийском море Разин получает новое подкрепление. К нему присоединяются запорожский казак Баба с отрядом в 400 человек и Сергей Кривой с 700 донских казаков. Последний отряд по пути к Разину выдержал сражение со стрельцами на Волге под Астраханью. Казаки, укрывшись в мелких протоках Волги, пропустили впереди себя царский отряд и затем, неожиданно напав на него со всех сторон, разгромили его. Около 100 человек стрельцов присоединилось к отряду Сергея Кривого.

Соединившись вместе, казаки направляются к западному побережью Каспийского моря, нападают на г. Тарки,

потом подступают к Дербенту. Дербент был прекрасно укреплен. По свидетельству современника, он был «обнесен стенами из больших четырехугольных камней, от четырех до шести футов в окружности, взятых с гор. На холмах близ Дербента расположены редуты, или каменные укрепления, из которых шесть имеют гарнизон и маленькие полевые пушки... Неподалеку от города построено несколько высоких деревянных дозорных башен, чтобы с них можно было обозревать окрестности и видеть приближающихся».

Дербент был главным приморским рынком для торговли невольниками. Люди здесь продавались из рук в руки, как скот, и не было спасения тому, кто попал на этот рынок. Невольничьи рынки всегда вызывали у казаков страшную ненависть. Поэтому с таким ожесточением они и опустошали западный берег Каспийского моря, издавна славившийся своей невольничьей торговлей.

Достигнув Решта, казаки обращаются к шаху с просьбой принять их в иранское подданство. Они заявляют шаху, что были прежде подданными московского царя, а потом, недовольные правительством, оставили свою страну и просят дать им земли на реке Ленкурс.

Прибывшие в это время из Московского государства послы заявили иранскому правительству, что казаки — воры и разбойники; они убедили иранцев не вести никаких переговоров с казаками. Это вынудило Разина покинуть Решт. Казаки направляются в Ферабат. Они входят в этот город под видом купцов, пять дней мирно торгуют, а затем, разоружив гарнизон, захватывают в этом городе богатую добычу и отплывают в море.

Осенью 1668 г. Разин обосновывается на узкой косе побережья Каспийского моря; он возводит там укрепления, строит деревянный городок и земляной вал. Затем начинается обмен пленных — за трех и четырех казаков Разин отдавал по одному иранцу. Такая мена в значительной степени пополнила поредевшие ряды казаков. С наступлением весны 1669 г. казаки снова переходят к активным действиям. На этот раз они направляются к восточным берегам Каспийского моря, нападают на «Трухменские улусы», после чего обосновываются на Свином острове. Иранский шах решается, наконец, на серьезные военные действия против казаков. К Свиному острову подплывает большой иранский флот, специально построенный для борьбы с казаками. Флот состоял из 50 судов, на которых было около 4 000 человек прекрасно

вооруженного войска во главе с Менеды ханом. Несмотря на численный перевес иранцев, казаки разбили иранскоэ войско. Все суда их были потоплены, едва спасся Менеды хан с тремя стругами. Казаки захватили много пленных, среди них сына и дочь начальника флота. Это та самая красавица-княжна, о печальной судьбе которой рассказывает известная народная песня.

Но и казаки понесли большую утрату. В сражении с иранцами был убит товарищ Разина и его ближайший помощник Сергей Кривой.

Продолжительное плавание по Каспийскому морю не прошло бесследно для казаков. Они потеряли много убитыми в боях с иранскими войсками. Много их погибло от голода и болезней. С богатой добычей, с большим количеством пленных казаки решают вернуться на родной Дон. После долгих обсуждений они выбирают старый путь — через Астрахань. Между тем в Астрахани казаков уже давно ждали, и у вновь назначенного туда воеводы Прозоровского была заготовлена царская милостивая грамота на случай, если они принесут повинную и возвратятся на Дон.

Мирные настроения московского правительства объяснялись просто. Тревожное состояние в Московском государстве и явно выраженное брожение на окраинах за время отсутствия Разина не только не ослабели, а наоборот, усилились. Казачество всюду ловило слухи об успехах Разина и отвечало на них новыми волнениями. Волновались казаки на Кавказе, на реках Куме и Тереке, волновались на Дону. Василий Ус с большим отрядом казаков стоял вблизи Черкасского городка. Настроение стрелецких гарнизонов и городской бедноты пограничных городов внушало опасения.

В начале августа 1669 г. в Астрахань пришло известие о приближении Разина. Но Разин возвращался на родину не как раскаявшийся преступник, а как победитель. Он не забыл своих врагов и первым делом совершил нападение на рыбные промыслы, принадлежавшие астраханскому митрополиту; вслед за этим он «перетряхнул» суда иранского купца, в которых везли шелк и дары московскому царю.

Астраханские власти не посмели наказать дерзких казаков, слишком велики были их силы. Воевода Прозоровский, услышав о появлении Разина, выслал к нему отряд стрельцов под командой Львова, везшего Разину царскую грамоту о прощении. Казацкая флотилия под-

плыла к Астрахани, и Разин с группой казаков направился в приказную избу совершить необходимые по тому времени церемонии—принести повинную и передать астраханским властям символ своей власти — бунчук, знамя, а также пленных и пушки, захваченные в Каспийском море.

Разин проделал эту церемонию. Он выдал 21 пушку. 20 пушек оставил себе, якобы «для защиты от крымских и ногайских людей», пленников отдал далеко не всех и только за выкуп; добычу, захваченную в Каспийском море, Разин отказался выдать, заявляя, что она уже «подуванена» участниками похода, т. е. поделена. Но самый факт принесения повинной вызывал недовольство казаков, требовавших почетного приема своему атаману. Астраханские власти, совершив требовавшиеся законом формальности, боялись чем-нибудь раздражать Разина. Они охотно пировали с ним, выпрашивали у него подарки. Воевода Прозоровский, придя однажды к Разину на струг, выпросил у него дорогую иранскую шубу.

Иранские купцы подали воеводе челобитную, в которой просили вернуть им захваченное у них казаками имущество. Но, по словам купцов, «воевода челобитную изодрал, для чего де Стеньку написали вором; он де холоп великого государя, и его, Стеньку, почитали и честь воздавали... а мне де, у него животов взяв, вам отдать нельзя, а за ваши де животы велит государь заплатить из своей государевой казны».

Астраханские власти явно опасались Разина и хотели только одного: как можно скорее выпроводить казаков из города.

Стрельцы и население Астрахани были опасным горючим материалом, и популярность Разина среди них была слишком очевидна. Когда Разин проходил по улицам Астрахани, за ним всегда следовала большая толпа, говорит современник. При встрече ему низко кланялись и называли его не иначе, как батькою. В Разине трудовые люди Астрахани видели своего избавителя.

Окруженный славой иранского похода, Разин 4 сентября 1669 г. отплывает вверх по Волге. Астраханские власти дали ему конвой из полусотни стрельцов и уговаривали его не принимать к себе «никаких людей». Но все эти предосторожности были напрасны. Слава Разина шла далеко впереди его, и народ радостно встречал его по пути и вступал в его отряды.

Уже в дороге к Разину пристало несколько перебежчиков из Астрахани. Астраханский воевода послал к не-

му требование о выдаче беглецов. «Того у казаков не повелось, чтобы беглых людей выдавать»,— отвечал Разин. Под Царицыным (теперь Сталинград) казацкая флотилия нагнала караван колодников, которых везли в Москву. Разин нападает на этот караван и освобождает колодников.

1 октября 1669 г. он вступает в Царицын и сразу становится здесь хозяином города. Воевода Унковский принужден был скрыться от казацкой расправы. Разин пробыл в Царицыне пять дней, освободил всех колодников из тюрьмы и отправился дальше на Дон.

Этим и закончился первый поход казацкой голытьбы под руководством Разина. Это не был обычный поход «за зипунами». В нем Разин не один раз выступал защитником простого народа, бедных, угнетенных людей и врагом воевод, помещиков и купцов. Имя Разина приобрело большой авторитет среди трудящихся, и слава о батюшке Степане Тимофеевиче далеко распространилась по всему Московскому государству.

ПОХОД РАЗИНА В МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Вернувшись на Дон, Разин создает себе постоянное местожительство на небольшом острове, протяжением в 3 версты, около городка Кагальника, и окружает его земляным валом. Домовитые казаки во главе с войсковым атаманом Яковлевым сторонились Разина, не принимали его к себе, но и не решались его трогать. Казацкая голытьба была на стороне Разина, и он являлся ее фактическим атаманом. К Разину стекались люди с верховых станиц Дона, с Волги, с Хопра и Запорожья. Все эти беглецы увеличивали численность его войска. Привезенные с Каспийского моря военные запасы и различные ценности позволяли Разину полностью снабжать пришедших оружием и одеждой.

Московское правительство благодаря сообщению домовитых казаков было осведомлено о положении на Дону и прекрасно понимало, что грозный атаман со своими казаками не успокоился и вскоре может предпринять новое выступление. К тому же популярность этого атамана была совсем необычной: имя Разина с надеждой повторялось в самых отдаленных уголках страны.

В Кагальнике Разин проявил свое отрицательное отношение к церкви и к религии. Он выступал на казачьем кругу против постройки новых церквей в Черкасске.

вместо сгоревших. В приговоре, впоследствии вынесенном Разину, было написано: «будучи на Дону, запрещал строить церкви и церковного пения петь не велел и священников з Дону сбил, и велел венчать около березы».

Московское правительство подсылает в Черкасский городок Герасима Евдокимова, которому поручает на месте выяснить силы Разина, его планы на будущее и одновременно подкрепить свой союз с домовитыми казаками.

Войсковой атаман и казачий круг приняли Евдокимова с большим почетом. Но Разин прекрасно понял цель приезда Евдокимова и на следующий день отправился на казачий круг. Здесь как раз выбирали ответное посольство царю в присутствии Герасима Евдокимова. Разин обратился к последнему с вопросом: «От кого поехал ты: от великого государя или бояр?» На ответ Евдокимова, что он прислан от царя с милостивой грамотой, Разин закричал: «Врешь! Ты приехал не с грамотой, ты приехал к нам лазутчиком». Разин и его приверженцы бросились на Евдокимова и утопили его в реке.

Весной с сильно возросшим отрядом Разин поднимается вверх по Дону и направляется далее к Царицыну. У него был флот, состоявший из 80 новых стругов, с двумя пушками каждый. Домовитые казаки тотчас известили московское правительство о новом походе Разина, и из Москвы против него были высланы стрельцы.

По дороге силы Разина продолжали расти. Около Паншина городка к нему присоединился со своими казаками Василий Ус, увеличив его отряд до 7 000 человек.

Василию Усу были поручены только что привезенные с Дона новые суда. Сам Разин должен был берегом вести пехоту и конницу.

Семитысячный отряд подступает к Царицыну и одновременно начинает вести осаду города с Волги и суши. Царицын был очень важной крепостью на Волге, охранявшей единственную военную дорогу, связывавшую Москву с нижним Поволжьем. Помимо крепостных стен и рва, он имел ряд дополнительных укреплений. За наружным краем рва тянулись так называемые надолбы, которые обычно состояли из обрубков дерева, вкопанных стоймя в несколько рядов в землю. Надолбы распределялись так, чтобы атакующий не мог ни пройти между ними, ни перескочить через них. Часто между надолбами устраивался частокол, состоявший из небольших кольев, поставленных в близком расстоянии друг от друга. В сое-

динении с надолбами в русских крепостях иногда в качестве препятствий употребляли «чеснок». Это были железные спицы, в близком друг от друга расстоянии укреплявшиеся на доске. Доски клались на землю и для маскировки засыпались землей или листьями.

Подойдя к Царицыну, Разин выставил на надолбах свои знамена. Царицынский воевода готовился к защите. Были проверены городские укрепления, заперты ворота, размещены войска на боевых постах. Но здесь выступила та чудодейственная сила, которая останавливала раньше действие пушек и ружей, направленных против Разина. Городская беднота свела на-нет все эти приготовления воеводы. Ночью были сломаны изнутри запоры на крепостной стене, и Разин со своим войском вступил в Царицын. Воевода с небольшой горстью стрельцов пытался укрепиться во внутренней башне, но скоро был захвачен казаками и утоплен в Волге. Как раз в это время к Царицыну подошла флотилия стрельцов, высланных против Разина. Ничего не подозревавшие стрельцы в 7 верстах от города подверглись неожиданному нападению казаков с суши и с моря. Они были разбиты и рассеяны; многие захвачены в плен. Таким образом, низовые волжские города не получили никакого подкрепления извне и были предоставлены собственным силам в борьбе с Разиным.

В Царицыне Разин ввел казацкое устройство, установил казачий круг, разделил жителей на десятки и сотни и вместо воеводы назначил городового атамана.

Укрепив Царицын, Разин заявил на казачьем круге о своем намерении итти вверх по Волге на бояр. Для этого он предпринимает поход вниз, к Астрахани, чтобы закрепить свой тыл. Разин выступает на стругах к Черному Яру, а конницу в составе 700 человек под начальством Василия Уса посылает по берегу. Астраханские воеводы высылают навстречу приближающимся казакам конных стрельцов и, кроме того, флот из 40 стругов под начальством князя Львова.

На переднем струге была поставлена виселица с повешенным на ней разведчиком Разина, схваченным в Астрахани. «Прежде смерти его так страшно истерзали пытками, что самый безжалостный варвар не мог смотреть на него без сострадания»,— говорит современник. На каждом струге было установлено две пушки с необходимым боевым снаряжением.

При первой же встрече с войсками Разина среди астраханских стрельцов вспыхнуло восстание. Они перевязали своих начальников и передались Разину.

Разин приказал им выдать жалованья за два месяца вперед и сказал: «Я пришел дать всем вам свободу и избавление». «После этих слов,— добавляет очевидец,— каждый готов был итти за него на смерть, и все крикнули в один голос: «Многая лета нашему батьке! Пусть он победит всех бояр, князей и все подневольные страны».

Разин продолжал свой путь дальше и скоро без боя овладел Черным Яром. Одновременно другим его отрядом был взят город Камышин.

Между тем основные силы Разина приближались к Астрахани, где еще была жива память о его первом пребывании. Слух о взятии Черного Яра «привел простой народ в такую гордость и неистовство, — пишет иностранный путешественник,— что он без всякого страха открыто проклинал, поносил и оскорблял наместника».

Особенно волновались в Астрахани стрельцы, долго не получавшие жалованья: «К чему нам служить без жалованья и итти на смерть? — говорили они.— Деньги и припасы истрачены. Мы не получили платы за год». Стрельцы отправились на воеводский двор с требованием скорейшей выплаты им денег. Астраханские власти были так напуганы всем происшедшим, что быстро удовлетворили требования стрельцов.

Стрельцы составляли основную часть пехоты русского войска. Каждый стрелецкий полк включал в себя до 1 000 человек. Вооружение состояло из мушкетов, сабель и бердышей; у первых рот дополнительно были копья, и они назывались копейными. Каждый полк имел свою артиллерию от семи до восьми пищалей на станках и определенное количество пушкарей.

Кроме стрельцов, в Астрахани были войска иноземного строя и городовые казаки. Городовые казаки несли, главным образом, сторожевую службу. Во время походов они оберегали обозы, строили мосты, сооружали окопы.

Попытки астраханских властей успокоить стрельцов были безрезультатны. Слишком очевидны были в городе общие симпатии к Разину и слишком велико было возмущение народа. Воевода Прозоровский начинает готовить Астрахань к обороне, используя для этой цели преимущественно силы иностранных специалистов.

Астрахань была хорошо укрепленной пограничной крепостью с достаточным запасом продовольствия. Путеше-

ственник XVII в. описывает ее следующим образом: «Город Астрахань окружен толстой каменной стеной, на которой стоят 500 металлических пушек. В городе всегда сильный гарнизон для защиты от татар и казаков. С внешней стороны из-за множества башен и церковных глав Астрахань выглядит весьма красивой. Это отличный торговый город, где торгуют не только бухарские, крымские, ногайские и калмыцкие татары, но также персы, армяне, индусы. В городе сильно развита торговля, главным образом, шелком».

Воевода Прозоровский проверил все городские укрепления. Астрахань имела кирпичную крепостную стену в полторы сажени в толщину и четыре сажени в вышину. В стенах по углам стояли двухъярусные башни с помещенными внутри них колоколами, в которые ударяли во время боя для поднятия боевого духа в войсках. Были проверены все валы; воевода развел по бойницам и стрельницам стрельцов с ружьями, саблями и бердышами, разместил при пушках пушкарей, затинщиков при затинных пищалях [1], а при воротах — воротников.

По обычаю того времени, городские жители должны были участвовать в обороне — кто с ружьем или самопалом, кто с топором или бердышом, а другие с кольями и камнями. Для этой цели близ окон в стене были заранее приготовлены кучи камней, чтобы ими метать в неприятеля, и, кроме того, заготавливался кипяток, чтобы выливать его на подступающих к стене врагов. Чтобы пресечь проникновение противника в город, Прозоровский приказал все ворота завалить кирпичами.

В XVII в. вода считалась лучшим естественным укреплением. Астрахань была окружена водой с трех сторон. Для усиления обороны города вода из соседних прудов была подведена к крепостным стенам, и Астрахань превратилась в остров.

Иностранец, капитан Бутлер, находившийся в Астрахани, дал воеводе совет запретить передвижение рыбаков по Волге и уничтожить татарскую слободку под городом, чтобы не позволить казакам незаметно подойти к нему.

Но вся эта подготовка к обороне была напрасной. В первоклассной пограничной крепости не было главного — боеспособного, дисциплинированного войска, воодушевленного задачей отстоять город от врагов. Стрельцы и

[1] Затинная пищаль — длинное крепостное орудие, устанавливающееся в затине, т. е. непосредственно за крепостной оградой, за тыном, где располагались стрельцы со своими пищалями.

вместе с ними городская беднота видели своих врагов не в разинцах, а в лице воеводы, приказных и всех начальных людей Астрахани. Они готовились к борьбе с ними. Астраханцы поддерживали тесную связь с Разиным и обещали ему оказать помощь при осаде Астрахани.

Посланцы Разина проникали в Астрахань и рассказывали в народе, что приближается батюшка Степан Тимофеевич Разин и несет с собой освобождение трудовому люду. Среди народных песен о Разине самой распространенной является песня «О сынке Разина». Здесь, повидимому, и имеются в виду эти посланцы, которые шли впереди разинского войска и подготовляли почву для его победы.

Как во славном городе, во Астрахани,
Очутился, проявился незнакомый человек.
Он и щепетко по городу расхаживает,
На нем бархатный кафтанчик нараспашечку,
Черна шляпа пуховая с позументами.
С астраханскими купцами он не знается.

На расспросы — кто такой, он отвечает:

Я не княжеский, не боярский, не купеческий,
Я со матушки со Волги Стеньки Разина сынок.

И дальше:

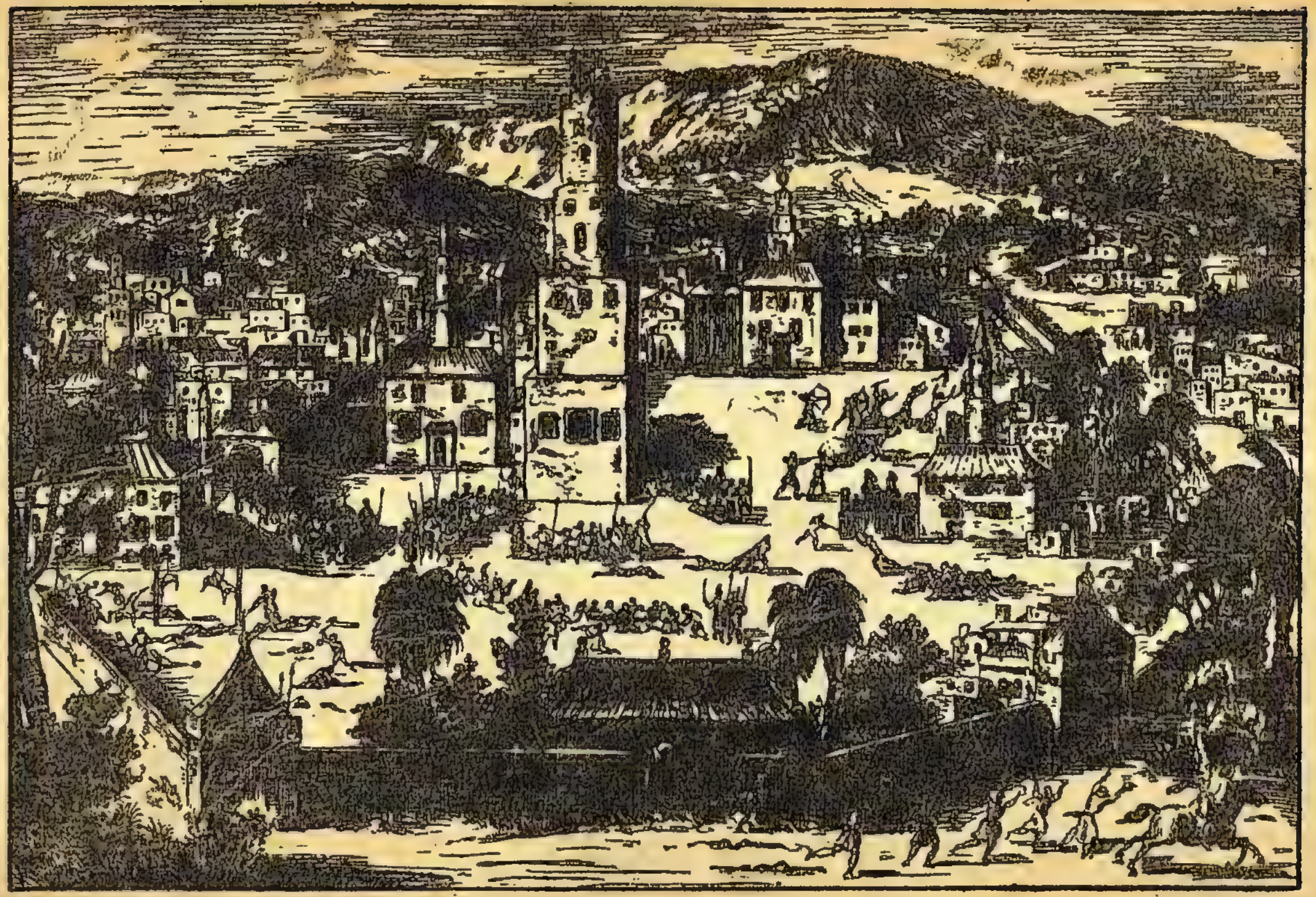
Как заутра мой батюшка хотел в гости к тебе быть.
Ты изволь его встречать, изволь подчивать,
Он и пива не пьет, вина в рот не берет;
Он гостинчики свои на поклон тебе несет.

Воевода за такие слова приказывает бросить его в «белокаменну тюрьму».

Как удалепький молодчик да посиживает
И в окошечко на Волгу он поглядывает.
Уж на Волге на реке забелелися стружки;
Как во лодочке косной Степька Разин сидит сам,
Добры молодцы гребут, сами песенки поют.
Уж мы эту тюрьму по камушкам разберем,
Всех охотничков, невольничков мы повыпустим.

Подойдя к Астрахани, Разин расположился станом на урочище, именуемом Жареными Буграми. Он пытался вступить в переговоры с Прозоровским о сдаче города, но всевода приказал казнить его послов, считая для себя оскорбительным вступать в какие бы то ни было переговоры с восставшими.

Тогда Разин снимается с Жареных Бугров и направляется к городу. На астраханских башнях зазвонили колокола, началась тревога. Казаки с лестницами шли на



Астрахань во второй половине XVII в.

штурм Вознесенской башни, и Прозоровский со своими силами двинулся ее защищать.

Но это был ловкий маневр Разина. По совету астраханских перебежчиков, он свои главные силы провел другим путем, и при содействии жителей города казаки перебрались через стены и ударили в тыл воеводе Прозоровскому. Стрельцы захватили своих начальников, частью перебили их, частью выдали казакам. Иностранец, полковник Байль, участвовавший в защите Астрахани, едва ушел живым от расправы; его спасло только то, что он был в панцыре.

После захвата Разиным Астрахани стрельцы и население города начали мстить своим угнетателям. Князь Прозоровский был сброшен с колокольни, многие дьяки были изрублены; стрелецких голов и дворян постигла та же участь. Начался грабеж города. Но Разин сдерживал восставших и с помощью своего отряда восстановил в городе порядок.

Как велик был авторитет Разина, показывает следующий случай. К нему астраханцы обратились с просьбой расправиться с оставшимися приказными. «Многие дворяне и приказные люди, — говорили они, — перехоронились; позволь нам, сыскав их, побить». Разин отказал им в просьбе, и они без возражений подчинились ему.

В Астрахани Разин ввел обычное казацкое устройство. Он сжег все астраханские архивы, все документы, закреплощавшие крестьян. При этом он заявил, что сделает то же и в Москве, «наверху у государя».

В конце июня 1670 г. он со своим войском отплывает вверх по Волге, оставив в Астрахани Василия Уса и Федора Шелудяка.

Двести судов отплыло из Астрахани во главе с Разиным; берегом двинулось вслед за ними 2 000 конницы. Весть о Разине далеко перегоняла движение его судов.

Крестьяне во всем Поволжье поднимались навстречу Разину против своих помещиков и массами присоединялись к Разину. С Волги он рассылал во все стороны «прелестные» письма, в которых призывал народ к восстанию. Эти письма далеко расходились по стране и всюду поднимали пожар восстания. Они проникали к Нижнему Новгороду, Тамбову, Пензе, Смоленску, доходили до Карелии, до берегов Белого моря. Вот содержание одного такого письма: «Пишет вам Степан Тимофеевич, всей черни. Кто хочет богу да государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичу. И я выслал ка-

заков, и вам бы заодно изменников и мирских кровопийцев выводить».

Здесь со всей полнотой выражена основная идея, владевшая восставшими,— освободиться от власти помещиков и бояр, обманывавших царя и грабивших народ. Но в данном письме, как и во многих подобных ему, отражается и политическая незрелость восставших, противопоставлявших боярам царя.

Во флотилии Разина были два особых струга. На одном, по рассказам, якобы плыл царевич Алексей Алексеевич, только что умерший сын Алексея Михайловича; на другом — патриарх Никон, в то время сосланный в отдаленный Ферапонтовый монастырь. Относясь отрицательно к церкви и духовенству, Разин в лице Никона видел человека, пострадавшего от бояр, злейших врагов Разина и возглавляемого им крестьянства. «Нечай» (так назывался мнимый царевич Алексей Алексеевич) сделался боевым кличем восставших.

Крестьянское восстание, как видим, не сумело еще порвать с царем; наоборот, оно еще идеализировало этого царя, обвиняло во всех бедах только бояр, будто бы отгораживавших царя от его детей — крестьян. Эта политическая слепота была свойственна крестьянству и в более поздние времена. В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом товарищ Сталин сказал: «...говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг» [1].

Разин с большой легкостью овладел Саратовом, расправился здесь с воеводой и приказными и ввел в городе казацкое устройство. Несколько больших усилий потребовало взятие Самары (теперь Куйбышев).

По мере продвижения по Волге кверху разинское войско численно увеличивалось. Увеличение шло за счет присоединения к Разину русских крепостных крестьян, мордвы, чувашей и других угнетенных народов, к которым Разин непосредственно направлял свои «прелестные письма». «А черта вся и во всех городах низовая вся горная страна татар, мордва и чуваша и до Нижнего Новгорода к воровству уклонилася»,— читаем мы в документе того времени.

[1] И. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Госполитиздат, 1938 г., стр. 9.

Восстание охватило весь юго-восток Московского государства. «В самой Москве,— рассказывает современник,— некоторые стали открыто хвалить его (Разина), как человека, заботящегося об общем благе и свободе народа. Один пожилой человек на вопрос, что делать, если Стенька подойдет к столице, ответил, что «народ должен выйти к нему с хлебом-солью». Этот человек был казнен, как подосланный от Разина».

Имя Разина приобрело непреодолимую силу. Легенды о нем слагались при жизни. Для него не было ничего невозможного, одним своим словом он останавливал суда, от его взгляда враги каменели, его не трогали пули и ядра.

Имя Разина ставится выше имени древнего русского богатыря Ильи Муромца. В народной песне поется о корабле, на котором

Атаманом был на нем
Стенька Разин сам,
Есаулом был Илья Муромец.

Приходящие к Разину добровольцы подпадали под обаяние этой могучей личности и проникались глубокой верой в победу народного дела — вывести бояр и уничтожить на Руси крепостное право.

Восстание Разина ширилось и захватывало все новые области Московского государства. Правительство мобилизует громадные силы для борьбы с Разиным и направляет их к Волге. В Казань назначается князь Урусов, который и должен был объединить все силы для борьбы с восставшими. Его товарищами были назначены князья Юрий и Данило Барятинские. Из Москвы и других городов стягивались ратные люди, конные и пешие.

Получив известие о приближении Разина к Симбирску (теперь Ульяновск), Москва дает распоряжение Барятинскому двинуться на помощь симбирскому воеводе Милославскому. Продвижение Барятинского было крайне затруднено повсеместным крестьянским восстанием. На реке Свияге он встретил отряд из 3 000 человек, в составе которого было много мордвы, чувашей и мари.

5 сентября 1670 г. Разин подошел к Симбирску и начал его осаду. Здесь он встретился с царским воеводой Барятинским, которого принудил отойти от Симбирска. Симбирск, как и всякий другой русский город XVII в., состоял из двух частей: внутренней — кремля, и внешней — посада. Кремль располагался на вершине Симбирской горы; он состоял из бревенчатой стены с башнями

Штурм Симбирска

по углам и сторонам, обнесенной глубоким рвом. Здесь находились административные учреждения и дворы бояр и духовенства. Вокруг кремля располагался посад, обнесенный валом и рвом. Кроме того, в восточной части Симбирска имелось еще укрепление, называвшееся «острогом». Симбирск был хорошо снабжен артиллерией, заключал в себе значительный гарнизон из стрельцов, дворян и детей боярских. Милославский укрепил стены мешками с землею, солью и мукой. Жители Симбирска сразу же при подходе Разина к их городу впустили его войско в острог. Разин укрепил острог, окружил его высоким земляным валом, поставил пушки и вместе с симбирцами начал осаждать кремль.

Разин с своей стороны, проведя укрепление острога, возвел вокруг города высокий земляной вал и установил на нем пушки. С земляного вала в город бросались зажигательные снаряды. В военной практике XVII в. применялись довольно широко зажигательные снаряды. Они состояли из каменных или чугунных ядер, обложенных с наружной стороны горючим составом, который при выстреле воспламенялся. Иногда зажигательные снаряды делали более сложно. В специальный мешок помещали снаряженную гранату и затем набивали его зажигательным составом. С целью воспрепятствовать тушению снаряда к нему добавляли отрезки ружейных стволов, заряженных пулями. Когда снаряд воспламенялся, то раздавались выстрелы, которые поражали подходивших.

Около месяца стоял Разин под Симбирском. За это время он четыре раза подступал к городу и все время пытался зажечь городские укрепления. Его войска подвозили к крепостным стенам дрова, сено, солому, зажигали все это, и густой дым и пламя высоко поднимались над городом. Ко второму штурму был устроен вал, возведенный с казанской стороны. Он был сделан на уровне городских стен и имел в длину 40 саженей. С него бросали в город зажженные дрова, солому и сено. Других зажигательных снарядов у Разина не было. И, несмотря на то, что огонь временами, по словам современника, был велик, осажденные сравнительно легко тушили возникавшие пожары.

Один из участников восстания, стрелец Никитин, сообщает, что стены и башню «из города де завесили парусами и заливали водой». Город продолжал держаться, несмотря на то, что войско Разина увеличивалось с каждой минутой. Но численный перевес не давал Разину

победы над симбирским гарнизоном Милославского. Новые пополнения в войсках Разина составлялись из людей, никогда не бывших в строю и не умевших владеть оружием. Они имели крайне слабое вооружение — рогатины, топоры, косы; действовать организованно в бою не умели. Разин пытался организовать их в войско, снабдить это войско оружием. Одновременно с осадой города им было приказано увеличить количество бердышей.

1 октября к Симбирску опять подошел царский воевода Барятинский. Его войско состояло из дворянской кавалерии, стрелецких полков и наемников-иностранцев.

Услышав о приближении Барятинского, Разин не стал дожидаться нападения; он сам пошел навстречу царскому воеводе. Завязался ожесточенный бой. Войска Разина, не обученные военному делу, дрогнули перед прекрасно организованными и вооруженными войсками Барятинского. Разин в этом бою был дважды ранен: ему саблей рассекли голову и пищалью у него была прострелена нога. Раненый, он едва не попал в плен. Какой-то воин из отряда Барятинского схватил было Разина и повалил на землю, но сам был убит подоспевшими казаками.

Разин делает еще одну попытку взять симбирский кремль. Он снова бросает в кремль огненные «подметы», желая во что бы то ни стало вызвать там большой пожар. Но Милославский выдержал этот приступ. Слабая техническая оснащенность войск Разина не позволяла ему как следует подготовить атаку. Войска Разина не умели брать укрепленных городов; у них не было для этой цели нужных орудий. Между тем Барятинский все больше нажимал на тыл Разина. Разинцы увидели, что они окружены и начали в беспорядке отступать. Они бросились к стругам, стараясь Волгой уйти от отрядов Барятинского. Это удалось немногим. Среди них был и раненый Разин. Барятинский жестоко расправился с захваченными пленниками из войска Разина. Тысячи виселиц с повешенными на них крестьянами были установлены по берегам Волги. Тысячи людей погибли на плахе, под кнутом, на коле.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ОСЕНЬЮ 1670 г.

В то время как Разин со своим войском осаждал Симбирск, крестьянские восстания с чрезвычайной быстротой распространялись по громадной территории между Окой и Волгой, до Саратова, Рязани и Воронежа. Начинается

движение крестьян и в Слободской Украине. Атаманы Разина, среди которых особенно были известны Михаил Харитонов и Максим Осипов, с «прелестными письмами» двигались в разных направлениях, повсеместно поднимая народ на восстание. В восстание вовлекались крестьяне помещичьи, вотчинные, монастырские и дворцовые. Они разоряли поместья, убивали помещиков и их приказчиков. Поднимались посадские люди, расправлялись с воеводами и другими начальными людьми и местами вводили в городах казачьи круги.

Захват восставшими городов, сел и целых уездов происходил почти без сопротивления со стороны властей. Несколько донских казаков из отряда Михаила Харитонова захватили Корсунь, установили там казацкое устройство и двинулись к Саранску. Этот город им пришлось брать с боем, но и он присоединился к восставшим. Присоединилась к ним Пенза, сдался без выстрела Нижний Ломов, открыл ворота Верхний Ломов.

С такой же быстротой подвигается в северо-западном направлении другой разинский атаман, Максим Осипов. Он легко овладевает Алатырем, Курмышем, Ядриным, Василь-городом, Козьмодемьянском и вотчинными селами боярина Морозова — Лысковым и Мурашкиным. Восставшие крестьяне вместе с казацкими отрядами подступают к Макарьевско-Желтоводскому монастырю, расположенному на левом берегу Волги.

В условиях XVII в. монастырь был прежде всего крепостью. Высокие каменные стены с башнями, прекрасно приспособленными для защиты, окружали монастырь. Подступив к монастырю, восставшие три раза посылали предложение сдаться, но монахи отвергли эти предложения и готовились к защите. 8 октября жители сел Лыскова и Мурашкина переправились через Волгу и со всех сторон осадили монастырь. Они были неплохо вооружены, имели даже пушки. К стенам привалили лес, солому и зажгли все это так, что пламя поднялось выше монастырских стен.

Первую атаку монахи отбили, но второй не выдержали и принуждены были сдаться. Осаждающие вступили в монастырь, где нашли богатую добычу. Купечество и помещики складывали здесь свое имущество. Макарьевский монастырь в тех условиях являлся своеобразным банком, более значительным, чем другие монастыри.

Волновались жители и Нижнего Новгорода (теперь Горький); они посылали к восставшим своих посланцев

с призывами итти к их городу, обещая впустить разинцев без боя. Отдельные отряды на эти призывы направлялись к Нижнему, готовилась осада этого города.

Восстание стихийно перебрасывалось в новые районы; оно выдвигало новых руководителей крестьянского движения. В Кадомском уезде успешно действовал атаман из местных крестьян по имени Чирок, к югу от Арзамаса — Семен Белоус, в г. Темникове — крестьянка Алена.

Чуваши, мордва, мари, удмурты составляли большой процент в местном населении и наравне с русскими крестьянами и посадскими людьми присоединялись к восстанию. Имя батюшки Степана Тимофеевича докатилось до самой Москвы, где оно упоминалось с почетом и надеждой.

Захватывая города и целые районы, восставшие, однако, не знали, что им делать дальше. Весь район восстания не имел единой руководящей организации; он представлял собой множество отдельных ячеек, действовавших каждая на свой риск и страх.

Между тем московское правительство чрезвычайно серьезно смотрело на вопрос о борьбе с восставшими. Оно готовилось к войне с крестьянами так, как к обычным войнам с внешними врагами. Со всех сторон солдатские и драгунские полки с многочисленной артиллерией стягивались к району восстания.

В Москве еще 1 августа 1670 г. была проведена мобилизация всего столичного дворянства. Перед выступлением в поход был произведен смотр 60 000 дворян. Смотр был обставлен с необычайной пышностью: всадники в богатом вооружении, на нарядных конях, выступали в поход в сопровождении большой свиты своих холопов.

Князь Урусов, возглавлявший царские войска, направленные против Разина, был сменен. Его действия казались московскому правительству медлительными. Взамен его был назначен князь Долгорукий, которому в помощь были даны Юрий и Данила Барятинские.

Вначале Долгорукий не думал о наступлении. Его со всех сторон захлестывало народное восстание. Действия Долгорукого поэтому носили характер оборонительный. Он обосновался в Арзамасе и постарался удержать этот город в своих руках.

Несмотря на многочисленность отрядов восставших и наличие у них большого количества пушек и разного оружия, случайность и необученность состава, а самое

главное—отсутствие организационной связи между отдельными отрядами систематически давали перевес князю Долгорукому. В битве под селом Паневым он справился с пятнадцатитысячным отрядом Разина и захватил шесть пушек. При столкновениях с царскими войсками восставшие проявляли отчаянную храбрость, но она разбивалась об их неорганизованность. При разгроме восстания поражает необычайно большое количество пушек, которыми овладевали царские войска. Это в значительной степени объясняется неподвижностью орудий XVII в. Они вделывались в деревянную колоду, служившую станком. Появляются, правда, и лафеты на колесах, но они тоже пока были мало подвижны. Неподвижность станков и неуклюжесть лафетов исключала для артиллерии возможность маневрирования на поле боя. Установленные на определенных пунктах, орудия во время боя не передвигались с места на место. К этому нужно прибавить, что у артиллерии не было своих перевозочных средств и она пользовалась обывательскими лошадьми и волами.

9 октября 1670 г. произошел один из крупнейших боев того времени, при селе Кременки. Восставшие были окружены войском воеводы Леонтьева и, укрепившись, долго выдерживали осаду. Воевода приказал зажечь село. Часть восставших сгорела в нем, часть была перебита.

После этого Долгорукий переходит в наступление. Он ставит своей задачей не допустить восставших к Нижнему Новгороду. С этой целью он двигается к крупнейшему центру восставших — селу Мурашкину. Мурашкино насчитывало 400 дворов, 112 лавок и 25 кузниц. Оно имело хорошие укрепления, было окружено земляным валом с башнями и глубоким земляным рвом. Вал защищался 13 пищалями.

Бой начался в 5 верстах от Мурашкина. Нестройные, хотя и многочисленные ряды мурашкинцев скоро начали отступать и обратились в бегство. Победители захватили много пленных, 21 пушку и 18 знамен. Пленные были тотчас казнены. Само село было сожжено, сравнено с землей и совершенно обезлюдело. Кто уцелел от расправы, тот искал убежища в окрестных лесах, где скоро погибал от болезней и голода. Женщины и дети долгое время жили на погорелых местах, в ямах и шалашах. Почти одновременно такая же расправа произошла в другом вотчинном селе Морозова — Лыскове, где восставшими было введено казацкое устройство.

Разгромив Мурашкино и Лысково, Долгорукий направился к Нижнему Новгороду. Здесь он произвел жестокую расправу со всеми ненадежными элементами, которые тянули к Разину. Три дня длилась расправа. «В нижегородских жителях,— пишет современник,— была к воровству шатость; воеводы этих воров перехватывали и велели казнить смертью, повесить около города по воротам, иным отсечь головы, других четвертовать в городе». Вскоре был захвачен Долгоруким и Макарьевско-Желтоводский монастырь. Но район восстания не был еще усмирен окончательно. За селом Ключицы восставшие имели сильные укрепления. По большой дороге, по обе стороны ее, была сделана большая засека в длину на версту, а поперек—на полверсты. Воевода отдал распоряжение стрельцам наступать к засеке. Восставшие скоро были изгнаны из засеки, но у них оставались тыловые укрепления. Они перекопали большую Курмышскую дорогу, сделали за рвом высокую насыпь, кругом поставили дубовые надолбы. Но восставшие были вытеснены из-за этих укреплений, они не могли выдерживать бой с прекрасно организованными правительственными войсками. Выбитые отсюда, они засели в своих дворах и гумнах. Преследующие их царские войска зажгли село и почти целиком сожгли в нем всех восставших.

Царские воеводы проникают в Кадомский лес и здесь начинают теснить восставших. В Кадомском лесу также были широко применены засеки, повсеместно устраивающиеся самими крестьянами. Шли засеки между Шацким и Кадомским уездами, между городами Темниковым и Кадомом, на Черной речке, на реке Варнаве. Засеки были излюбленным приемом обороны в лесистых местах.

Царские войска продвигаются к Темникову и скоро им овладевают. Среди захваченных пленных здесь оказалась знаменитая женщина — атаман повстанцев, крестьянка Алена. Она командовала семитысячным отрядом и вместе с другим атаманом, Федором Сидоровым, захватила город Темников. Подобное поведение для женщины XVII в., при всей замкнутости ее существования, было настолько необычно, что вокруг имени Алены выросла легенда о связях ее с нечистой силой. Когда Алена была захвачена в плен, то после жестоких пыток ее подвергли особому наказанию — ее сожгли в открытом сверху срубе. Во время пыток и казни Алена держалась чрезвычайно мужественно; она не издала ни одного стона. «Когда

бы все воевали, как я, князь Юрий давно бы навострил от нас лыжи!» — крикнула она перед смертью.

Помощник Долгорукого, князь Юрий Барятинский, разгромив Разина под Симбирском, направился в Алатырский уезд, где собралось много восставших алатырцев, корсунцев, курмышцев, арзамасцев, саратовцев и пензенцев. 12 ноября он подошел к селу Усть-Урень, на берегу реки Кондорати. Противники стали друг против друга на противоположных берегах реки. Ни та, ни другая сторона не начинала боя. Барятинский в своем донесении об этом сообщал так: «И стояли полки против полков с утра до обеда; я того ожидал, чтоб они перебрались за переправу ко мне, а они за переправу ко мне не пошли... рассмотря места, велел пешим полкам... с обозом со всем и с пушками на них наступать, а мы, наметав сетями речку Кондратну, перебрались, а у них... у речки пехота приведена была в бой, и бой был великий и стрельба пушечная и мушкетная беспрестанная, а я со всеми полками конными на их конные полки наступил, и учинил бой великий, и... тех воров побил, и обоз взял да одиннадцать пушек... двадцать четыре знамени, и разбил всех врознь, и побежали разными дорогами, и секли их, воров, конные и пешие, так что на поле и в обозе и в улицах в трупу нельзя было конному проехать, и пролилось крови столько, как от дождя большие ручьи протекли».

Приведенное донесение показывает, каких размеров достигали бои между противниками. Царские войска выступали хорошо снаряженные и в тех условиях технически богато оснащенные. Они имели при себе обоз, который обычно с материальной частью артиллерии и боеприпасами подвозился по водным путям. Впереди основных сил шли «ярТоулы», т. е. кавалерийские отряды, несшие разведывательную службу. Полковой воевода Алексей Еропкин доносит: «... пошел, великий государь, ратными людьми из Тамбова на воров, а велел перед собою иттить в ярТоуле голове Никифору Кутлову... велел разъединить и осмотреть полевые дороги».

Несомненно, такой организации военного дела не могло быть у крестьянско-казацких отрядов. Удары, наносимые Долгоруким и его воеводами, сделали свое дело. Наступил перелом в крестьянском движении. Силы восставших ослабели; их руководители были казнены; опорные пункты разрушены. Народом овладевало отчаяние; он складывал оружие и шел к царским палачам с повинной.

Начинается разгром восстания по нагорному берегу Волги, к северу от Симбирска. Здесь подвизается воевода Данила Барятинский. Терроризованное население начинает сдаваться без сопротивления. Запуганные русские, татарские и мордовские крестьяне бьют челом о пощаде, приносят присягу на верность царю. Воеводы выпытывают у них, где укрываются раненые, получившие эти раны в битвах с царскими войсками. Они разыскивают их и тотчас казнят.

Падают города Цывильск, Чебоксары. После большого боя сдается Козьмодемьянск, в котором во время расправы 400 человек было наказано кнутом и 60 человек казнено.

Падает Василь-город. Под Ядрином развертывается упорный бой. Ядринцы, не ожидая наступления царских войск, сами перешли в наступление. После упорного и кровопролитного боя они должны были отступить. Город пал.

Одновременно развертывалось крестьянское восстание в Слободской Украине. Брат Степана Тимофеевича — Фрол Разин — осаждал городок Коротояк. «Идут-де на Русь к Коротояку и под некоторые твои, государя, города выводить твоих государевых бояр и воевод и приказных людей»,— читаем мы в одном документе. Но Коротояка Фролу Разину взять не удалось, его отряд отступил под напором царских войск. Волнения вспыхивали во многих городах Украины; казаками были захвачены города Острогожск и Ольшанск. С Дона двигался новый отряд голытьбы под руководством дяди Разина — Никиты Чертенка. Есть известие, что в рядах восставших сражалась названная мать Степана Тимофеевича — Матрена Говоруха.

Осенью и в начале зимы 1670—1671 гг. по всему району восстания свирепствовали царские воеводы. Они захватывали одно за другим села, города, приводили к повиновению царской власти целые уезды. Населенные пункты превращались в груды развалин; население, оставшееся в живых после боев, казнили на месте. В отдельных случаях пленных отправляли в Арзамас, куда они собирались тысячами. «Страшно было смотреть на Арзамас,— говорит один из очевидцев—иностранец,— его предместья казались совершенным адом. Повсюду стояли виселицы, и на каждой висело до сорока — пятидесяти трупов. Там валялись разбросанные головы и дымились свежей кровью. Здесь торчали колья, на которых мучились восставшие и часто были живы по три дня, испытывая невероятные страдания».

Царские палачи жгли крестьян, вешали их, били кнутом, рубили руки, ноги, вырывали языки. Истязуемые держались мужественно. «Какое у вас было намерение?» — спрашивали их. «Мы хотели Москву взять и всех вас, бояр, дворян и дьяков, перебить на смерть». По подсчетам одного иностранца, за три месяца в одном Арзамасе было казнено 11 000 человек.

В январе 1671 г. по средней Волге крестьянское восстание было почти подавлено.

КАЗНЬ РАЗИНА И СОБЫТИЯ В АСТРАХАНИ

Вернемся теперь к Разину, которого мы оставили раненым под Симбирском. Отправившись из Симбирска вниз по Волге, Разин останавливается в Самаре и делает неудачную попытку снова двинуться на Симбирск. Уже зимой с горстью верных казаков и царицынцев он вернулся в Кагальник. Он не хотел сложить оружия и признать себя побежденным. Низовья Волги — Астрахань и Царицын — оставались в его руках. Разин снова формирует войско, но прежнего успеха уже не имеет. Обстановка на Дону сильно изменилась. Казацкая голытьба в свое время вся ушла с Разиным в его поход против бояр и помещиков; на Дону остались преимущественно домовитые казаки, которые всеми силами стремились сохранить добрые отношения с московским царем.

Укрепившись в Кагальнике, Разин стремится овладеть всем Доном, чтобы подготовить силы для нового похода. Он устанавливает связи с верховыми станицами на Дону и с Астраханью, безуспешно пытается овладеть Черкасском. Домовитые казаки враждебно смотрят на все мероприятия Разина. Войсковой атаман, уже известный нам Корнила Яковлев, посылает в Москву доносы на Разина и просит выслать войско для окончательной с ним расправы. В истории донского казачества было неслыханным делом, чтобы казаки сами призывали московского царя вмешаться в их дела.

Московское правительство с радостью откликнулось на верноподданническую просьбу донского атамана; оно посылает Яковлеву приказ схватить Разина и доставить его в Москву. В то же время белгородскому воеводе князю Ромодановскому было предписано отправить на Дон в помощь Яковлеву рейтар и драгун. Но домовитые казаки, не дожидаясь царских войск, сами справились с Разиным. В апреле 1671 г. они подошли к Кагальницкому городку,

гажгли его со всех сторон, захватили в плен Разина вместе с его братом Фролом, а остальное население почти все перебили. Есть предание, что Корнила Яковлев действовал при этом хитростью. Он прибег к обману и тем заставил Разина вместе с его братом сдаться живыми.

Оба брата были закованы в железные кандалы и отправлены в Москву. За несколько верст до Москвы с Степана Тимофеевича сорвали его платье, одели в лохмотья и поставили на специально изготовленную телегу с виселицей. На ноги одели ему оковы, на шею цепь, которую прикрепили к верхней перекладине виселицы, а руки прикрепили цепями к боковым столбам. Его брата Фрола, приковав к телеге цепями, заставили бежать вслед за ней.

В Москве братьев подвергли жесточайшим пыткам. Разина били кнутом, поднимали на дыбу, жгли тело на горячих угольях. Он с необычайной стойкостью переносил все эти истязания и отвечал молчанием на все предлагавшиеся ему вопросы.

6 июня 1671 г. была назначена казнь Разина и его брата. При громадном стечении народа на Красной площади был прочитан приговор Разину и его брату Фролу. Приказ заканчивался следующими словами: «...по указу великого государя бояре приговорили казнить злою смертию, четвертовать». Разин и при казни ничем не выдавал своих страданий. Он молча переносил самые жестокие истязания. Более слабый брат его Фрол, потрясенный мучениями брата, не выдержал и выкрикнул «слово государево». Это значило, что он знает какую-то государственную тайну, которую желает выдать.

В действительности тайны никакой он не знал; ему хотелось несколько отдалить момент казни. Степан, до сих пор не издававший ни одного звука, услышав со стороны брата «слово государево», со злобой крикнул ему: «Молчи, собака!» Он низко поклонился с Лобного места собравшемуся народу. Казнь он встретил мужественно. Палач сначала отрубил ему правую руку, потом левую ногу и только после этого голову.

Народ в своих многочисленных песнях запечатлел эту страшную казнь. В одной песне-плаче об этом рассказывается так:

Нездорово на Дону у нас.
Помутился славный тихой Дон.
Со вершины до Черна моря,
До Черна моря, Азовского
Помешался весь казачий круг:
Атамана больше нет у нас,

Нет Степана Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина.
Поймали добра молодца!
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

Флор был снова отвезен в тюрьму, где его подвергли новым пыткам, а потом казнили.

Церковный собор, собравшийся в 1671 г., предал Разина проклятию, и по всей стране в каждой церкви ему была провозглашена анафема. Так церковь выступила в защиту прав помещиков, используя для этого свои средства воздействия на сознание народных масс. Но все эти ухищрения были излишни. Степан Разин глубоко остался в памяти народной как защитник «черни».

Казнь Разина не означала еще конца движения. Василий Ус и Федор Шелудяк, два славных разинских атамана, продолжали держаться в Астрахани. В этом городе существовало казацкое устройство, введенное еще Разиным. Расправившись с воеводами, дьяками и другими представителями царской администрации, казаки совершили большую ошибку, оставив на свободе митрополита. В этом сказалась власть религиозных предрассудков. Митрополит потом оказал большое содействие царским войскам в подавлении восстания в Астрахани и расправе с ее жителями.

Астраханцы не собирались складывать оружие. Они, подобно Разину, готовились к новому большому походу в центр Московского государства. С этой целью они имели постоянные сношения с донскими и терскими казаками.

Когда до Астрахани дошла страшная весть о казни Разина, Федор Шелудяк собрал большой отряд и направился с ним вверх по Волге, к Симбирску. Но обстановка здесь сильно изменилась. Шелудяк сумел дойти до Симбирска, но прежнего отклика в народных массах Поволжья его движение не получило. Сказалась жестокая расправа царских воевод с восставшим народом. Из-под Симбирска царские войска заставили Шелудяка повернуть обратно.

Помещики торжествовали свою победу: им оставалось только разгромить Астрахань. Для этой цели они установили тесные связи с астраханским митрополитом. 2 ноября 1671 г. последнему была доставлена царская грамота, в которой астраханцы призывались к повиновению царским властям. Митрополит сделал с этой грамоты две копии, спрятал их в домовой церкви и в соборе в алтаре. Затем послал двух монахов к есаулу Лебедеву с по-

ручением склонить его на свою сторону. Лебедев вместо этого на следующий день сообщил казакам, что митрополит замышляет измену. Казаки заставили митрополита отдать грамоту и обе копии с нее, но его самого попрежнему оставили на свободе.

Митрополит продолжал сношения с царскими властями, осведомляя их о положении в Астрахани и о всех намерениях казаков. Он решился даже на открытое выступление против казаков. Получив новую царскую грамоту, он громко обратился в соборной церкви к собравшимся со следующими словами: «Астраханские жители! Велено по грамоте великого государя воров донских всех перехватать и посадить в тюрьму до указа, а вам велено во всем вины свои принести; он, государь, свет милостив, вины ваши отдаст; вы то все положите на мне, что великий государь вас окаянных ничем не велит тронуть».

Призыв митрополита не нашел себе отклика. «Кого нам хватать и сажать в тюрьму? — закричали в ответ. — Возьмите его, митрополита, и посадите в тюрьму!» Некоторые предлагали захватить его писцов, но большинство решило: «Что их пытать, или рубить, или казнить? Их казним, а после них у митрополита другие будут писцы; пора нам приниматься за самого митрополита, его убьем, так в городе у нас смуты не будет».

И митрополит был казнен: его сбросили с колокольни. Но его предательство скоро дало свои плоды. К Астрахани подошли царские войска. С одной стороны ее осаждал воевода Милославский, с другой — черкесский князь Хазбулат Нуцалович, с которым митрополит астраханский поддерживал самые тесные сношения. Казаки храбро защищались. Они несколько раз переходили в наступление, нападали на укрепления Милославского, но превосходящий силами неприятель отбивал их. В городе начался голод; несмотря на это, осажденные мужественно выдерживали осаду в течение трех месяцев.

Тогда Хазбулат Нуцалович прибег к хитрости. Он выманил Федора Шелудяка из крепости для переговоров и захватил его в плен. Лишенные своего руководителя, который у них пользовался большим авторитетом, астраханцы пришли в полную растерянность и 26 ноября 1671 г. сдались. Тогда началась дикая расправа с восставшими. Руководители восстания Федор Шелудяк и другие были повешены, Кирилла Семенова обвинили в еретичестве и сожгли. Все тюрьмы были наполнены крестьянами и посадскими. Последний оплот восставших был разгромлен.

* * *

Это был конец крупнейшего народного восстания второй половины XVII в. Оно охватило громадные массы трудящегося населения Московского государства. Много было восставшими проявлено энергии и подлинного героизма, но у них не было организованности. Восстание было стихийным.

Один современник писал о нем: «... бунтовщики были расселены там и сям... они не могли сойтись в выборе одного главного руководителя. Ибо если бы эта армия бунтовщиков, состоящая из двухсот тысяч человек, была сплочена и единодушна, то войску царя было бы трудно противодействовать ей и одолеть ее».

Крестьяне, главная сила в восстании Разина, не могли подняться выше своих чисто местных задач и объединиться для защиты своих общих интересов. Против организованного класса помещиков, имевшего в своих руках весь государственный аппарат, они выступали разрозненно. В условиях крепостнического государства они не могли победить. «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»[1]. В XVII в. еще не было рабочего класса; в это время появлялись лишь первые мануфактуры, на которых работали те же крепостные. Отсюда естественно, что в то время рабочий класс еще не мог возглавить это движение.

Крепостники могли праздновать свою победу. Их торжество встретило отклик и в других странах. Английский король Карл II прислал московскому царю Алексею Михайловичу поздравление с подавлением крестьянского восстания.

Но героическая борьба крестьянства не прошла бесследно. Она нанесла тяжелый удар крепостническому государству и ускорила его упадок.

---

1 И. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Госполитиздат, 1938 г., стр. 8—9.